

Размышления над новой книгой

© 2020 г.

Д.В. ТРУБИЦЫН

ПОСТИЖЕНИЕ РОССИИ И МИРА: ОБ ОДНОМ НЕСОСТОЯВШЕМСЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Книга П.И. Смирнова «Постижение России: взгляд социолога» (СПб., 2020) претендует на обобщающее социологическое исследование России и мировой цивилизации. Однако, проведя небезынтересный общетеоретический анализ проблем общественнознания (не социологии), автор полностью подчинил эту работу идеологии. Нет собственно социологических методов, эмпирических данных, автор применяет разработанные им теоретические конструкты не к исследованию с заранее неизвестными результатами, а к политической манифестации. В итоге – неплохо разработанная на уровне философии теория познания и примитивная картина мира: деление обществ на гармоничные «служебно-домашние» цивилизации и агрессивные «рыночные». При этом активно используются штампы официальной историографии, мифы массового сознания и культурные стереотипы.

Ключевые слова: социология • социальное познание • метод • идеология • образ Врага

DOI: 10.31857/S013216250009303-6

Амбициозные попытки создания «общих теорий» должны приветствоваться, если только мы считаем науку открытой. Именно этим занялся П.И. Смирнов, предложив в своей книге новую систему элементарных понятий социологии. При этом автор «постигает» не только Россию, но и мир в целом, и даже стремится его спасти. Итогом работы, призванной обеспечить «достойное существование» России «и всему человечеству, если оно того захочет», становится новый теоретический каркас социологии и даже практические рекомендации. Ни много ни мало – проект Преамбулы к новому Уставу ООН, где зафиксированы ценности, призванные спасти мир от главной, по мнению автора, угрозы – истощения ресурсов.

Начинает автор, как и положено, с проблемы познания, объявляя несостоятельной всю предшествующую социологию: «Для постижения России нужен комплекс средств, которого нет в арсенале теоретической социологии в настоящее время» [Смирнов, 2020: 13]¹. Столь смелое заявление он обосновывает тем, что несостоятельна социология именно в главном – в постижении и спасении человечества. Ему нужна социология, которая «ответит на глобальные вызовы», а не будет заниматься частными проблемами. И здесь возникает вопрос: что именно в социологии является главным, а что – частным, и можно ли познать первое, игнорируя второе? Автор сетует и на то, что в теоретической социологии до сих пор царит хаос. Школы, направления, подходы образуют сложный, но лишенный внутреннего единства конгломерат частных социологий, авторских концепций и позиций. Он констатирует, что это напоминает ситуацию, сложившуюся в искусствоведении (с. 14).

---

¹ Далее при цитировании страницы на этот источник будут указаны в круглых скобках. – Прим. ред.

Возразим: таково положение в политологии, культурологии, психологии и даже отчасти в экономике. Пожалуй, это относится к всем социально-гуманитарным наукам, и автор не случайно указывает на естествознание как их, а не только социологии, противоположность и говорит, что там есть теоретическое единство. Уровень же современной теоретической социологии, по его мнению, «не выше достигнутого в доньютоновской физике» (с. 18). Заявка серьезная: «Социология сможет выявлять общечеловеческие проблемы и предлагать пути их решения, лишь став подлинной наукой, создающей собственные теории, отражающие ход событий в мировом масштабе. В целом дилемма такова: или XXI век станет веком социологии, или этот век положит конец более-менее благополучному существованию человечества. Обществуведению нужна методология, сближающая по степени строгости ее теоретические построения с естественнонаучными» (с. 19).

Здесь также возникли опасения: не обернется ли предлагаемая социология упрощением? Ведь разнообразие теорий и подходов неслучайно – оно отражает многогранность проявлений общества и человека. Автор желает единую систему координат, как в ньютоновской физике, но общество и человек не таковы. Он упомянул в качестве причин описанной ситуации сложность общества, но тут же отмахнулся от этого: да разве природа, изучаемая естественными науками, проще? Но именно так оно и есть, и это основная проблема книги.

Если поднять предмет и разжать пальцы, то согласно закону Ньютона он обязательно упадет, и именно с такой силой, с какой должен упасть согласно этому закону. Насколько сильно и упадут ли вообще акции предприятий или рейтинг правящей партии, что должно произойти при некоторых условиях согласно законам, сформулированным экономической или политической наукой, – большой вопрос. И именно из-за воздействия множества факторов, учесть которые в единой теории, представляющей собой замкнутый категориальный аппарат, невозможно. Это равносильно тому, чтобы ввести во второй закон Ньютона помимо трех переменных еще и характер человека, проводящего эксперимент, его социальные и личные мотивы и характеристики и пр. Конечно, здесь также влияет масса обстоятельств – плотность и химический состав атмосферы, температура, влажность и прочее. Но влияние этих факторов не настолько велико. Пренебречь же традициями, ценностями, ментальностью, общественными настроениями, политической ситуацией, расстановкой классовых сил, индивидуальными свойствами акторов при исследовании социальных процессов нельзя. От некоторых из них, конечно, можно абстрагироваться при изучении той или иной области, но будет ли эта область «главной» для всей социальной действительности, причем главной настолько, чтобы построить на ней «общую теорию»?

Именно в силу огромного количества факторов невозможны общая теория ни общества, ни культуры, ни даже политики. Общество и человек сложнее, чем реальность, изучаемая физикой и биологией. Гуманитарные и социальные науки эту сложность пытаются постигать. Они могут стремиться к точности естественных наук, видеть в них идеал, и в этом отношении мы полностью поддерживаем призыв автора. Но они никогда не станут этим идеалом в силу непомерной сложности изучаемого объекта. Степень надежности здесь никогда не будет такой, как в физике, а «общая теория», скорее всего, окажется упрощением.

Чем же обернулась предложенная теория? К сожалению, опасения оказались ненеприятными. В основе авторской социологии лежит демаркация – противопоставление мирной «служебно-домашней цивилизации», к которой относится Россия, и агрессивной «рыночной», разумеется, западной. Где же здесь социология? Она в том, что эти цивилизации формируются доминирующими в них видами деятельности – «служебной» (для других) и «эгодеятельности» (для себя). Каждой из них соответствуют свои ценности, лежащие в основе цивилизации. Вот, в общем-то, и все. Дальше следует интерпретация истории с целью подверстания социальной действительности под эту схему. Есть, правда, еще деление империй. Автору не подходит трактовка империи как государства, распространяющего свое влияние за пределы естественных границ, – ведь в ней в одном ряду оказываются Российская империя и римская, империя Чингисхана и Китай (с. 245). Для их деления на

хорошие и плохие он также вводит типологию – «цивилизованное сообщество» и «напряженная цивилизация». Первые заботятся о включенных в них народах, вторые их нещадно эксплуатируют, здесь меньшинство живет за счет большинства.

Подход, который автор называет «деятельностно-ценностным» и приписывает себе, не нов. Он давно практикуется авторами учебников по истории культуры и является простейшим синтезом марксистского и аксиологического подходов к изложению истории. Если со вторым все нормально – автор признает заслуги неокантианцев и ссылается на них, то с Марксом он обходится некрасиво, обвиняя его в жульничестве: он якобы, «строит свои формации, вынимал, как фокусник из кармана, нужные ему признаки, взятые из общественной практики» (с. 41). Заметим, мы не считаем учение о формациях безошибочной исторической типологией обществ, но познавательный потенциал оно содержит. Тем более что у Маркса были не только эти формации, но и небезызвестный «азиатский способ производства», очень похожий на описываемую автором «служебную цивилизацию». Но он в книге не упомянут. Нет там и других близких по содержанию понятий: ни «гидравлической цивилизации» К. Виттфогеля, ни «вотчинной государственности» Р. Пайпса, ни «восточной деспотии» Г. Гегеля, ни многих других. Забыл автор упомянуть и о том, что в макросоциологическом анализе давно практикуется типология эгоцентрических и социоцентрических систем, индивидуалистических и коллективистических сообществ. Заметим, именно в макросоциологическом. Только здесь они и уместны, поскольку в социологическом исследовании такой подход растворится во множестве других, не менее значимых типологий социальных взаимодействий. Реальное общество намного сложнее любых его «теоретических каркасов», и ни один из них не обладает монополией на объяснение социальных явлений.

Разумеется, к типологии служебно-домашней и рыночной цивилизации, равно как служебной и эгодеятельности, есть много вопросов, которые не снимаются даже после попытки автора опереться на Вебера и назвать их «идеальными типами». И дело даже не в том, что историческое разнообразие социальных систем не впишется в эту дихотомию, а в том, что «обезумевший от страха смерти и жадности эгодеятель» всегда хуже «гармоничного» служителя (с. 173), а «струя русофобии, чрезвычайно усилившаяся в последнее время, вызвана жадностью, завистью и страхом западных элит» (с. 436). Уже на стадии разработки это теоретическое построение насквозь пропитано идеологией. С каждой страницей продажная «рыночная цивилизация» чернеет на фоне светлой «домашней», а текст оказывается идеальным материалом для исследования лингвистических средств формирования образа Врага.

За всю книгу русский человек ни разу не представлен отрицательно. Примеры «неправильных» социальных связей и ценностей – исключительно Запад, разбавляемый время от времени кочевниками, которым тоже досталось: «Вероятно, земледельцы более склонны к доброму стилю жизнедеятельности, нежели те, у кого преобладает присваивающая деятельность (скотоводы)» (с. 174). Опустим тот факт, что скотоводство – производящее хозяйство. Но на чем основан этот социологический довод? А вот на чем: «Чингисхан считал, что для мужчины высшая радость “подавить и победить врага”, захватив при этом жен и скот противника, а Невский предупреждал, что “кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет”». Но вывод из этого сравнения и вовсе поражает – он перенаправлен на Запад: «На поздних этапах эволюции производительная (по внешнему виду) деятельность, связанная с потреблением природных ресурсов, может стать основой “злого” стиля жизнедеятельности (страны Запада)» (с. 174).

Думается, эти тезисы дают достаточное представление о работе. Но, преодолевая желание на этом закончить, доведем анализ до конца. Зачем? Когда-то этот вопрос задал себе Л. Гудков и сам дал ответ: «Для интеллектуальной гигиены, о которой приходится напоминать нашему образованному сообществу, ослабленному и развращенному цензурой, информационной изоляцией и вытекающей отсюда безответственностью» [Гудков, 2011: 587].

Понимая, что под видом теории нам подсовывают идеологические установки, густо разбавленные морализированием, перейдем к вопросу о научной принадлежности этого текста. То, что это не социология, обнаруживается уже на уровне теоретической разработки. Описывая первую часть книги, автор говорит, что в ней «изложены теоретические проблемы и средства познания, описаны важнейшие социальные явления и процессы, предложены решения глобальных проблем» (с. 11). Возникает вопрос: а где же необходимая промежуточная часть – само исследование указанных процессов и явлений? Ведь если есть «теоретические средства познания общества» (глава 1), то должны быть и эмпирические. Однако эта часть посвящена именно общетеоретическим вопросам познания. Это социальная гносеология, в чем-то, надо признать, любопытная. А в целом – социально-философская книга, очень идеологизированная, некритично использующая штампы официальной историографии и государственной пропаганды. Чего стоит хотя бы это: «одержимый нацистским безумием народ Украины»; «примененные Гайдаром и Чубайсом методы имели целью не только лишить русский народ собственности, но и заглушить в нем остатки нравственности, истребить привычку “жить по правде”, узаконить воровство. С приходом к власти В.В. Путина положение стало исправляться»; «для длительного существования США не хватит мировых ресурсов, и им сначала придется заняться уничтожением других народов, а затем “властвующая элита” будет сокращать население в собственной стране»; «Запад ведет войну на уничтожение России как суверенного государства с целью овладеть природными ресурсами страны» (с. 465, 466, 329, 531).

Настораживает, но одновременно показывает, что объектом рассмотрения предложенной социологии являются именно абстрактные, метафизические человек и общество, то обстоятельство, что современные авторы почти всегда проигрывают древним. Платон и Аристотель оказываются более авторитетными, чем современные социологи. Мы не говорим, что в каких-то вопросах это невозможно, но для данной работы это тенденция. Так, Платон выигрывает у Маслоу в споре о потребностях, а словарь Даля оказывается более эффективным в их понимании, чем вся последующая социология. Более дифференцированная мысль оказывается менее верной. Кажется, эта «культурная революция» имеет вполне определенный подтекст: порожденный «рыночной цивилизацией» интеллектуальный подъем ничего стоящего о мире не говорит.

И наконец то, без чего нет социологии как эмпирической науки, – социологический метод. После громких заявлений о необходимости соблюдения принципов естественнонаучного познания логично было бы увидеть книгу, переполненную инструментарием позитивной социологии – шкалами, таблицами, схемами, графиками, тренд-структурами, множественными эмпирическими данными. Но читатель будет сильно разочарован. Естественнонаучные методы отсутствуют напрочь, а ограничивается все интерпретацией исторических фактов, спекулятивным философским методом, с преодолением которого, кстати, и связано появление на свет социологии. Обратим внимание: сетуя на неэффективность мировой социологии и называя себя позитивистом, автор не упомянул ни одного ученого, который применяет эти методы в социальном познании. Он исследует историю, но нет в его книге ни современных российских «позитивистов» в этой области (Н.С. Розов, Л.Е. Гринин, А.В. Коротяев, П. Турчин, А.В. Марков и др.), ни классиков мировой исторической социологии (Р. Коллинз, Б. Мур, Т. Скочпол, Ч. Тилли, Дж. Голдстоун и др.). Обходится он без историографии русской социальной истории (Б.Н. Миронов и др.) и не упоминает авторов циклических моделей (С.А. Нефедов, Э.С. Кульпин, В.И. Пантин, В.В. Лапкин, опять Н.С. Розов и др.). Статистических данных нет вообще, кроме упоминания о росте населения в России, правда, без учета научных исследований этой проблемы.

Главный метод – спекулятивная интерпретация. Например, важнейшим для автора является тезис о постоянной агрессии Запада, которая и привела к установлению в России «служебной цивилизации». Допустим, сильно погрешив против фактов, это верно. Но ученого будет интересовать прежде всего сам механизм воздействия внешней угрозы на внутреннюю структуру общества, причем социологически выявленный и верифицированный.

Нашему автору это не нужно, ему достаточно сослаться на своих и иностранных «серьезных наблюдателей». Кто же эти наблюдатели, которые могут заменить социологическое исследование истории? Это Данилевский и Тойнби (с. 345). И так везде. Трудолюбие и мастерство на Руси нам доказывают не цифры экономической истории, а Данила-мастер и Левша, о торговле говорит Садко-богатый, о «титанической борьбе русского народа на захваченных Западом землях» – Сенкевич и Гоголь. Об агрессии Запада нам повествует Тютчев, о состоянии природных ресурсов – Бестужев-Лада.

Заключая результат исследования в таблицу, автор фиксирует «факторы возникновения» служебной системы (с. 356). Но они не установлены путем факторного анализа исторической динамики, что должна делать макросоциология. Автор вообще не применял сравнительный анализ, ни сплошной, ни выборочный. Поэтому и смешно выглядит как результат исследования то, что представляется ему очевидным. Как в первой строке (фактор возникновения системы – внешняя опасность), так и в последней (отношение с соседями – преимущественно оборонительное) перед нами школьный учебник, читая который, уж точно не усомнишься в том, что Россия «преимущественно оборонялась». Когда же автор пишет про основную ценность (общество, вера, царь, отечество), инструментальную (дисциплина и долг), ведущие модусы (святость и слава), приписывая их Российской империи и СССР, это и вовсе смахивает на «официальную народность» николаевской России и Моральный кодекс строителя коммунизма. Куда делись типичные для россиян и установленные как раз социологически цинизм и недоверие к государству, его законам и инициативам? Нет их, а «религия и коммунистическая идеология обеспечивали духовное единство общества» – рисует автор лубок, по своей простоте напоминающий сюжетную линию проповедской волшебной сказки.

Особое внимание уделяется исследованию «русского характера». Читателю же оно демонстрирует суть предложенной социологии. Во-первых, это уже известный нам подбор мнений. «У европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти», – заявляет автор, повергая в ступор любого, кто хоть немного знаком с протестантской этикой. «У русских же, – продолжает он, ссылаясь на Вальтера Шубарта, – богатый зачастую смотрит на бедного со стыдом. У западного человека сердце радостно бьется, когда он обзревает свое имущество, а русский при этом чувствует порой угрызения совести» (с. 377). Во-вторых, автор делит высказывания о русских на «три варианта, соответственно которым их описывают: 1) явно положительно, 2) явно отрицательно и 3) с удивлением» (с. 431). Но если читатель подумает, что они будут подвергнуты какому-то анализу, он сильно ошибется. Они просто поделены на правильные (первые) и откровенно неправильные, потому что враждебные (вторые). Причем вторые взяты почти все не из источников, а из самих же русских философов и публицистов, комментирующих чужие мнения. Иначе говоря, это то, что думают русские о том, что думают о них другие. Очень напоминает поведение человека подозрительного, с жутким комплексом неполноценности. Вот и весь анализ. Кто пишет о русских хорошо – прав, кто нехорошо – неправ.

Заметим, автор не скрывает цель этого «анализа»: «Надо твердо знать, что конечная цель клеветы состоит в том, чтобы, одержав победу над противником, овладеть его жизненными средствами (богатством, ресурсами). Информационная война, – предупреждает Смирнов после выдержки из «Велесовой книги» (!) – не сегодняшнее изобретение... клеветники должны быть изолированы в общественном мнении» (с. 435). То есть любая критика общества – ложь с целью захвата его ресурсов, а всякая научная проблема должна истолковываться в пользу своей страны. Именно так в «клеветниках» оказались Г.С. Померанц, Р. Пайпс, А.Л. Янов.

Автор, к несчастью, затронул и языкознание. Утверждая, что английский язык отражает «объективное», а значит, бездушное отношение «рыночной цивилизации» к окружающему миру, он указывает на использование местоимения *it*. Все неодушевленные предметы – лишь «оно» для говорящего, что, по его мнению, можно противопоставить «субъективному» отношению русского человека к окружающему миру. Однако отсутствие

грамматического рода, которым и обусловлена специфика *it*, – черта большинства языков мира, и, приняв позицию автора, придется признать, что носители армянского, китайского, японского, корейского, тайского, всех финно-угорских, тюркских и монгольских языков должны обладать аналогичным мировидением, проще говоря, быть такими же бездушными. Фраза «субъективные языки, по большей части, это естественно развивающиеся языки» показывает, что автор считает некоторые языки развивающимися «неестественно». Это согласуется с духом книги, в которой западная цивилизация предстает ошибкой истории, несущей гибель человечеству.

Любой язык динамичен. На эту динамику оказывают влияние социально-экономические отношения, и есть соблазн посчитать, что народы, имеющие давний опыт капиталистического развития, сформировали языки, более объективно отражающие реальность. Подобная мысль не нова, она напрямую вытекает из того самого истмата, влияние которого на свою работу автор не хочет признавать. Да, английский язык утратил категорию грамматического рода, но неверно полагать, что он эволюционирует обязательно в сторону «объективного» отношения к миру. Если в прошлом считалось нормативным применение *it* и *its* в некоторых случаях по отношению к ребенку, то в современном английском *it* по отношению к живому человеку воспринимается как обезличивающее и дегуманизирующее.

Попытка же представить англосаксов лишенными эмоций людьми, основываясь на отсутствии в их языке богатого набора уменьшительно-ласкательных форм, подобного языку русскому, и вовсе малограмотна. Сравнительно небольшое количество уменьшительных суффиксов в аналитических языках в полной мере компенсируется иными способами выражения эмоций, к примеру лексическими. Английский язык не имеет недостатка в диминутивах. Так, Margaret легко становится для близких Meggy, Peggy, Peg, Meg, Marge, Molly и т.д. К знакомому коту или кошке никогда не применяется безликое *it*, они заслуживают личного местоимения мужского или женского рода. Хотя к слову *cat* не добавят суффиксов, как в русском (котик, котейка, котенька), богатство лексики дает достаточно эмоционально окрашенных обозначений этого животного: *kitty*, *sweet kitty*, *puss*, *mouser*, *tomcat*, *chonk* и др. Сравнение языков показывает, что они в равной мере способны отражать реальность, и неверно отказывать одному из них в способности видеть что-либо лишь потому, что в нем отсутствует то или иное слово или грамматическая конструкция. А противопоставлять русскую душу с ее «березонькой» душе английской, якобы не способной поэзией оживить мир вокруг, и утверждать, что британцу не понять текст Лермонтова о тучке и утесе, может только совершенно незнакомый с англоязычной литературой человек. В стихотворении «Ворон» Э. По о зловещей птице говорит в мужском роде, а не безлично. Р. Стивенсон в стихотворении «Ветер» обращается к ветру на «ты», как к живому существу. Переживания сосны в тексте Г. Гейне „Ein Fichtenbaum steht einsam...“, известном нам в переводе Лермонтова, понятны и носителям английского языка, которые при переводе используют не *it*, а личное местоимение *he* – «он», как в немецком оригинале.

Дилетантизм оказал плохую услугу автору, равно как стремление любыми средствами опорочить Запад. Антизападничество российских консерваторов – привычное дело. Но Смирнов сильно перегнул, забыв, что англо-американская литература – могучий вклад в мировую культуру. Игнорируя языковую реальность, искажая факты, политизируя лингвистику, он превратил свою работу в националистический текст: «Представители культуры объективного языка склонны к рациональной жестокости, способны устранять мешающих им людей, страны и народы, как и любое препятствие, безо всяких эмоций» (с. 457). Книга переполнена подобными суждениями, образованными смесью дилетантских интерпретаций серьезных научных проблем и пропагандистских мифов.

Это делает книгу поучительной. Считая, что англичанину не понять, зачем «березке к дубу перебраться», автор воспроизводит распространенный штамп о «загадочной русской душе». И может показаться, что он именно научно решает проблему культурных

стереотипов – видит в них факт, действительно отражающий существенные различия между «служебной» и «рыночной» цивилизациями. Не искушенный в аналитике читатель подумает, что мы и вправду «более духовная» нация. Но это – иллюзия, и создается она тем, что в работе присутствует научный аппарат. Однако, как показало качество этой работы, автор не поднялся над штампами на уровень аналитики и теоретизирования, он теоретизирование опустил к штампам. Таких текстов в современном российском общественном знании, к сожалению, немало. Они содержат необходимый для подтверждения научной квалификации теоретический и аналитический минимум, но наука превращается в них в служанку массового сознания и идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.

Смирнов П.И. Постигание России: взгляд социолога. СПб.: Алетейя, 2020.

COMPREHENDING RUSSIA AND THE WORLD: CONCERNING A FAILED SOCIOLOGICAL STUDY (about "Comprehending Russia: a Sociologist's View", the book by P.I. Smirnov)

TRUBITSYN D.V.

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Social Philos.), Prof., Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. P.I. Smirnov's book claims to be a synthetic sociological study of Russia and the world civilization proposing a new conceptual framework. However, providing an interesting general theoretical analysis of the problems of social studies (not sociological ones), the author fully subordinated his work to ideology. The book lacks strictly sociological methods, as well as empirical data. Theoretic constructs developed by the author are applied not to the study in question but to political manifestations. It results in a cognitive theory, well-developed philosophically but justifying a rather primitive world view: dividing societies into harmonious "home-service" civilizations and aggressive "market-based" ones. The study is characterized by the extensive use of cultural stereotypes, myths and official historiographic clichés.

Keywords: sociology, social comprehension, method, ideology, enemy image.

REFERENCES

Gudkov L.D. (2011) *Abortive Modernization*. Moscow: ROSSPEN.

Smirnov P.I. (2020) *Comprehending Russia: a Sociologist's View*. Saint Petersburg: Aletheia.